

Елена МИХАЙЛИК

Елена Михайлик родилась в Одессе, окончила филологический факультет ОГУ. С 1993 г. живёт в Сиднее, преподает в университете Нового Южного Уэльса. Доктор философии, тема диссертации «Варлам Шаламов: поэтика новой прозы». Стихи и статьи публиковались в антологии «Освобожденный Улисс», журналах «Арион», «Воздух», «Дети Ра», «Новый мир», «Новое литературное обозрение». Лауреат Первого австралийского фестиваля традиционной и экспериментальной литературы «Антиподы» (2006). Автор книг стихов «Ни сном, ни облаком» (2008), «Экспедиция» (2019). В «Волге» публиковались стихи (2013, № 11-12; 2016, № 3-4, 2017, № 9-10).

Как над Бабьим Гаем, над мангровой кожурой,
Над прозрачным Армянском, над Перекопом туманным,
По цветущему морю держат серые пеликаны –
Золотой кильватерный строй,
Говорили – только глина, песок, зола,
Объясняли – сухая порча на поколенья,
Но скопилось глобальное потепление –
И вода пришла,
Среди водорослей дрожит, луну обучая ждать
На урартском, на хеттском и на латыни,
А кому теперь внимает эта пустыня,
Не вам, поручикам, рассуждать.

А у нас на стенке глаз – а у вас?
А у нас Мицар погас – а у вас?
А у нас тут Мэри Шелли биоэтику вела,
Мы на ней собаку съели
И теперь на самом деле
Можем и при артобстреле
Отличать добро от зла.
А у нас как раз идет – а у вас?
А у нас наоборот – а у вас?
А у нас вокруг живых
Больше, чем в сороковых,
Но каких-то малокровных
И совсем нестроевых.
А у нас клубится дым,
Надлюдим, неуловим,
Мы не видим, что за дымом,
И не слышим, что под ним,
Только шорох – мимо, мимо...
Снег проходит до угла,

Смерть проходит до угла –
Обманулась, промахнулась, не застала, не смогла,
Как вы утром говорили – отличать добро от зла?
Сами знаем, мимо, мимо,
Все что было объяснимо,
Даже если тяжело –
Все равно заволокло.
А у нас песок дымится белой пеной,
Море длится не бессонницей,
А птицей, белой, парусной частицей
Склона сада непрошедшей
Части лета обомшевшей оплющавшей
Всеми усиками взявшей сохранившей
задержавшей
камень свет поверхность дня...
Замолчите, сумасшедший,
Вы пугаете меня.

Автоматон – самостоятельно движется, пишет, читает, стреляет, меняет лица.
Автохтон – порождает подземный ужас, которого сам боится,
Автодозвон – гудит в небесах, куда не всякий стремится.
Перепрыгни через ручей,
Отыщи последнюю горизонталь, тридцать девятую параллель,
За досками, за грудой нужных вещей, кирпичей,
По асфальту тянется трещина, то есть щель,
Граница, за которой начинается другая земля
И воздух совсем другой,
Произнеси свое потому, куда, обо что, для,
Выдохни воздух, весь,
Изогнись дугой,
Повтори три раза,
Все, можешь смотреть, дышать, выходить на свет,
Ты уже здесь, а там тебя больше нет,
Не рассказывай ничего даже шиферу, даже глядящим насквозь кустам,
Там уже никто не поймет, что такое – там,
Уходя со двора, в ту сторону не смотри,
Убрать – невеликий труд,
Еще до зари синицы все приберут.
Автоответчик – давно уже знает все, но нигде никому не снится.

Встала из мрака богиня соленых вод,
На Пастернака, метеоролог, труби поход,
Хлещет потоп, зеленый, фиолетовый, золотой, от начала времен параллельно
ничьей земле,

Это все он со своей неуверенной правотой и контрабандными чернилами в феврале,

Встала его обида от Антарктиды, от солнечных ледников,
Город чихнул и пропал из виду, а также из писем и дневников,
У остановки – автобусов нет, остается ждать бригаantin,
Дышит ливнёвка на ладан, на чубушник и на жасмин,
Встало, объяло дымом, не формалином – так янтарём,
Ной проплывает мимо – говорит, непарных мы не берём,
Он не владеет рифмой, новой привычкой средних веков, промежуточных
мокрых дней,

Он уже взят в кавычки, вычтен вместе с ковчегом, землей и всем, что плывет над ней,

Дождь хлынул – не остановишь, но невозмутим юго-восточный встречный пассат,

Сонмы морских чудовищ привычно плывут на работу сквозь райский сад,
Пусть он, как хочет, пишет, но видишь, между чернильных грив
В море слоями вышит – и лезет выше – на красный свет, как обычно, –
барьерный риф.

Леди Груох знает наверняка: небо не сохранит,
Не узнает, не вспомнит, не спрячет и не оплатит,
Леди Груох умеет водить войска, но в Шотландии в наши дни
Даже этот талант почти ничего не значит.

Страна не рада блеску листа, пенью гудка, новому дню,
Страна несколько занята – родня режет родню.

Леди Груох – ее дед убит, ее муж убит, ее брат убит,
Ее медленный сын составляет мир по складам –
Помнит: на этой земле никто никому не щит,
И надежды нет.
Ее муж – второй – щурится на рассвет,
Пожимает плечами и говорит: не отдам.
Никого – ни распре, ни времени, ни огню.
И держит это слово почти восемнадцать лет.

Но против внутренней логики пьесы – то есть кошмара, не устоят ни разум, ни доблесть, ни волшебство,
И поколение, не помнящее пожара, все же видит его.

Ее муж глядит со стены, говорит, у нас
Неожиданно получился довольно длинный рассказ –
«Они жили долго и счастливо»... и хотя бы речь отложит нас про запас,
Сбережет теченьем песка, давленьем реки
Наше имя, дыханье, след.
Это вряд ли, думает леди Груох, стирая кровь со щеки,
Но семнадцать лет – это все же семнадцать лет.

Архивная мышь, успешно проскочив Аргонат,
Избавившись от счетных, а также несчетных бед,
Все равно каждый раз роняет очки в шпинат,
А шпинат на паркет,
Вспоминая солнечный мармелад и тетушку Ганимед.
Она, конечно, делала, что могла – шуршала,
летала по кухне так, что посуда
разбегалась к Чуковскому, плача и дребезжа,
Предупреждала,
Что герои в лаборатории являются признаком мятежа,
Да, не только здесь, да, повсюду.
Она читала.

И когда революция арестовала источник зла,
Заявила: теперь все пойдет на лад – с цветами и цирком – и совсем по-другому,
Мышь, как обычно, архивной памятью всё правильно поняла –
И ушла из дому.

Да, сбежала в первое попавшееся бытиё,
Чтобы помнить людей, пока они живы, и историю – пока не закрыта,
Потому что с тех пор, как эта девица – невоспитанная, в 1865 – затопила её
жильё,

Мышь запомнила тот поворот сюжета, за которым не остается быта.

Так что, затариваясь крекерами в хоббичьей уютной норе,

Слушая краем уха про поход на дракона,

Мышь автоматически отмечает дату на календаре,

Потому что и здесь закончилось время оно.

А тот, седой, похожий на доктора, тоже всё с фейерверками, бросит взгляд на её
заплечный мешок,

И скажет – да всё у них хорошо,

Не горюй, возвращайся, там всё в порядке,

Мармелад – апельсиновый, небо – синее, воздух – блестит как паучий шелк,

Я покажу, как выбраться по закладке.

Понимаешь, у нас другое небо и другая земля,

Та самая, что видна сквозь облако, лист и дыру в заборе,

Здесь – по договору – никогда не бывает горя

Ни от плебейской республики по цеховой раскладке,

Ни от коммунизма, ни от возвращения короля.

Как в русской поэзии все не задается верлибр

И когда обстоятельства обретают настоящий романский размах,

Выселяя в статистику облака, истопника и историка,

В городских лакунах, в щелях между плитами и, конечно, в уцелевших домах

Поселяются совы, лисицы и силлабо-тоника.

*Чем держать, кроме рифмы и ритма,
Какой верлибр,
Если главный параметр – плотность дыхания на декалитр
Уступает пермскому,
Если помнить, кто ты, слишком тяжелый труд,
И огонь сохраняют, чередуя кремень и трут –
Или сено-солому?
Несвободный стих, млекопитающая шпана,
Наделен весельем и звонким разумом грызуна –
Паразит, прохиндей, подхалим, под любую крышей
Проживает, свинец перемальвая на медь,
Потому что обмен веществ, потому что петь –
Это значит выжить.
А потом, когда слово снова стоит на самом себе
Словно лист в траве,
Никакому Иванушке не пройти,
Как туман над рекой,
Не тускнея, не рассыпаясь, не каменея,
Ты читаешь в газете – или в небе – или в сети:
Император встает из гроба в девять вечера по Москве...
То есть в пять утра по Сиднею...
И смыкаешь рифму как раковину над строкой,
Отсекая все, что за нею.*

*Откапывая очередное завтра, глядя как крошится земля,
Куда подевались динозавры, не спрашивай журавля,
Всехяден, всерьёзу, благоразумен, везде впечатан в петит,
Он никуда отсюда не умер, он все еще летит.*

*Наблюдая закат в молдавской зимней полупустыне,
Где лиса ныряет в сугроб на корпус, заслышав мышь,
Понимаешь: все, что ты думаешь, проще уже сказать на латыни –
Но на ней ты и говоришь.*

*Чей водород проплывает мимо, чей алеф – иль текел – несет стена,
Написано углекислым дымом на листьях хвоща или плауна,
И ты проходи осторожно мимо, не то припомнишь, прямо с утра,
Кем это лицо бывало вчера –
Какой пожар торчит из-под грима,
И выпадет пеплом твое «тогда» в годичный слой гренландского льда.*

*Включается северное сияние, квадраты экрана почти пусты:
Гугл не готов считать расстояние от Княжпогоста до Воркуты –
Всей силой спутникового зрения в лесах отслеживая нить,*

Он единицу измерения здесь не берется определить.

Конечно, покуда скользит оврагами, кто видит – выдаст, кто слышал – съест,
Не стоит чуду враждебной магии влетать в подробности этих мест,
Чем измеряли, не зная роздыху, какую рифмой мороз горчит,
Вторую Речку найдет по воздуху, о прочих частностях – промолчит,
Не то совместится – сведет вселенные, вдохнет пермской прерывистый дым...
И чаща будет шуршать антеннами над мелким холмиком меловым.

Сбежала какая-то сволочь, украв луну,
Бесхозные волны терзают материки,
Вишни взывают о гибели к плауну,
Звезды огромны, воды, само собою, горьки.
Скоро – мечта профсоюзов – до дна сократится день,
Скоро – какая физика! – солнце и ветер всех возьмут в оборот,
Шарик с горящей шапкою набекрень,
Катится так, что никто уже не найдет.
В городе, где квадрат зданий не спит, не спят,
Отбрасывая эхо на весь фольклор –
На мостовой – прожилки руды, слюда.
Где ни ложись, не окажешься одинок,

Там

Посреди площади поднимается отсутствующая тень, остроугольная, уютная, как
всегда,

Бедный Евгений, не нужно смотреть в поток,
Бедный Евгений, не нужно искать зазор,
Станешь как автор, узнаешь все наперед...
Полюса немедля зарываются в плотный лед,
Наклоняется ось, день продолжает счет.
Тень говорит луне: товарищ, не бойся, иди сюда.
И луна идет.

На старой набережной, где глиняная вода
Становится мифом, еще не успев сгуститься,
Эдгар Алан угостил «осадным кофе» черную птицу
И ответил ей «Никогда».
Большая птица привычно цикорий пьет,
Нет, не эрзац, а почтенное традиционное блюдо,
Наследье Гражданской,
И думает, чтобы этот поверил, потребуется настоящее чудо.
Но чудо не настает.
Зато есть пончики, речные раки, бурбон,
Планшет – стилем, от руки, как ему привычно,

Любой Орлеан по сути есть пограничье,
А Новый особенно – в нем беспокоен сон
Даже у тех, кто спит, не помнит, не слышит,
А уж те, кто горит – и об этом пишет,
Могут здесь свободно кормить ворон –
И воронов из непрочного злого льда,
Неверной речки и оружейной стали,
Из хриплого риффа на стыке Проточной и всех светил,
Бензина, метана – город – куда деваться,
Любому кошмару легко легализоваться,
Любой пришелец знает – ему сюда,
Вот и Эдгар Алан собою неудивлен –
Дыра как дыра, переехал, когда позвали,
Прекрасный пейзаж и много новых могил.
Он не помнит, что умер, много работает, но не согласен публиковаться.
Ни в «Парадайз Хералд», ни в «Вечерней Валгалле»,
Ни... она не придет, вам же было сказано – никогда.

И еще одна версия

Он изобрел эволюцию, находясь в жестокой тоске,
Шел и увидел некрупную рыбу на отдельном от вод песке,
В воде вода, на земле вода и даже в небе вода,
Вот он и скажи кистепёрой дуре «Коллега, ползи сюда,
Раз уж море тебе настолько осточертело за всякие миллионы лет,
Бросай умирать, у меня для тебя есть в запасе авантюрный такой сюжет.
В перспективе города на полконтинента, летучие поезда,
Стихи от Камакуры до Магриба...»
Ну что могла ответить рыба? Рыба сказала «да.»
Шагнула кистью, вдохнула ртом, повела неудобным хвостом,
А все эти яблоки и сады он придумал потом,
Уже лечась от второй ножевой, но по-прежнему видя сны,
Где организм гуляет живой по неверным холмам Луны.
А что до познания добра и зла и того, чем земля кругла,
Повстречаешь рыбу – спроси у неё, это её дела.

Жил счастливо,
Старался не помнить, что окружен людьми –
Кроме текстов, естественно, писем и дневников,
Не любил уходить из дому за пивом –
просыпался в Перми,
Или в нижнем Тагиле (выпил полбанки и далее был таков),
Или в море, или в такой Юре,
где саговники стоят неподвижно, как в букваре,

И рамфоринх карабкается мимо перистых облаков
Словно верхнее «ми».
Завтра днем
Он стоит у раскопа, рифмуя цифры свои,
Пересчитывая геологические слои,
Вспоминая этаж и дом,
Машинально рисуя птицу – «правнук, привет»,
Машинально строя границы, включая свет,
Да, конечно с приливом, луной, открытым окном,
Да, конечно счастливо, потому что несчастья нет,
Или есть, но не здесь – он его не пускает в этот сюжет.
И не помнит о нем.

Загнали случайное существо в ядовитое вещество,
Согласия не спрашивали – перебьется, еще чего.
И каждый примерно футбольный тайм (равный нашим четырёмстам)
Заглядывали, справлялись – как они там?
А потом отвлеклись, не до того, не вспомнили, даже когда из угла
Подплыло невидимое вещество, разъедающее дотла.
И вошедший следом распахнул рот и сказал: я пошел, с дороги всем напишу,
А этот со мной – его зовут кислород. Что я делаю им? Дышу.